

библиотека
психотерапии
и консультирования

В.П. Гиндин

Светлый сон аббата Фариа

Очерки
интервенционной
психотерапии

Библиотека психотерапии и консультирования
под редакцией профессора В. В. Макарова

Валерий Гиндин

**Светлый сон аббата
Фариа. Очерки
интервенционной психологии**

«Когито-Центр»

2003

УДК 616.89
ББК 56.13

Гиндин В. П.

Светлый сон аббата Фариа. Очерки интервенционной психологии
/ В. П. Гиндин — «Когито-Центр», 2003 — (Библиотека
психотерапии и консультирования под редакцией профессора В. В.
Макарова)

Эта книга – не учебник и не руководство по психотерапии. Написанная в жанре эссе, она открывает читателю мир интервенционной психотерапии, основательно вытесненной психотерапевтическими методиками гуманистического направления. В живой и увлекательной форме автор делится с читателем своими мыслями о прошлом и настоящем директивных методов психотерапии, размышляет о природе «чудесных» исцелений, анализирует деятельность терапевтов прошлого и настоящего, а также причины небывалого успеха интервенционных психотерапевтических методов в России. В книге затрагивается вопрос о соотношении российского менталитета, православия и психотерапии. Книга вызовет интерес у психотерапевтов, психиатров, наркологов, а также у широкого круга читателей, интересующихся психотерапией.

УДК 616.89
ББК 56.13

© Гиндин В. П., 2003
© Когито-Центр, 2003

Содержание

Предисловие	6
Пролог Тайна «бронзового аббата»	8
Глава I	10
1. От фазовых состояний к «сумасшествию» на двоих	11
2. Эйдосы, магнетический флюид, лептонный газ – миф или материя?	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

В. П. Гиндин
Светлый сон аббата Фариа
Очерки интервенционной психотерапии

*Памяти моего учителя, профессора Владимира Евгеньевича
Рожнова, посвящается*

Предисловие

*Некоторые книги следует только отвеждать, другие – проглотить,
и лишь немногие стоит разжевать и переварить.*
Ф. Бэкон

Методы психотерапевтической интервенции известны с незапамятных времен. В современной психотерапии их называют директивными, манипулятивными, косвенными, опосредованными и т. д. Они описаны почти во всех современных руководствах по психотерапии, но применяются крайне редко. Такой древний, но в то же время высокоэффективный метод, как гипнотерапия, вообще исчез из арсенала множества современных психотерапевтических приемов.

Оправдано ли применение директивных методов психотерапии, когда весь мир, а последние десятилетия и Россия, использует психотерапию гуманистического направления, адресованную к личности пациента?

Французские психотерапевты еще в начале XX века отказались от гипноза, посчитав его опасным и вредным.

Особое неприятие вызвал гипноз у Бабинского и его учеников. В 1910 г. он писал, что гипноз «...это опасный метод, смесь игры, обмана и симуляции» (82, с. 11). После работ П. Жане (1918) последовало глубокое молчание. В 1923 г. он писал, что закат гипноза всего лишь преходящее затмение, сиюминутное случайное происшествие в истории психотерапии. «Как только мода завершит свой круг, она вернется к лечению посредством гипнотического внушения, как она возвращается к забытым шляпкам наших бабушек и мам» (1919). «Гипноз мертв – пока не воскреснет» – верил П. Жане (82, с. 12).

В «похоронах» гипноза, как ни странно, большую роль сыграл З. Фрейд, испугавшись собственного открытия (случайного) трансфера. Но в начале своего пути «работа с помощью гипноза была чрезвычайно увлекательна. В первый раз появилось чувство преодоления своего бессилия, да и слава чудотворца была очень лестной» – так он писал в своей автобиографии, изданной в 1925 году.

Но это воспоминания. А что было раньше? В 1909 г. в «Лекциях о психоанализе» он писал: «Вскоре гипноз стал для меня неприятен, как капризное и, так сказать, мистическое средство. Только тогда, когда вы исключите гипноз, вы сможете заметить сопротивление и вытеснение и получите действительно правильное представление о патогенном процессе» (64, с. 155).

Что же подвигло З. Фрейда так резко отказаться от гипноза? Боязнь обвинений в шарлатанстве, мистифицизме? Конечно, нет. Обвинение в эротизме гипноза, которое как «Дамоклов меч» висело над всеми гипнотизерами, начиная с А. Месмера. В 1921 г. З. Фрейд сам признавался, что «гипнотические отношения заключаются в неограниченном любовном самопожертвовании за исключением полового удовлетворения» (64, с. 41).

В последующем, видимо, испытывая чувство вины перед покоящимся мертвым телом гипноза, выступая в 1918 году на конгрессе в Будапеште, он сказал: «Практикующие психоанализ должны будут примешивать к чистому золоту анализа значительное количество меди прямого внушения» (64, с. 86).

Я не буду останавливаться на истории возрождения гипноза за рубежом. Об этом ярко и страстно пишет Леон Шерток в своей замечательной книге «Гипноз». В России гипноз никогда не умирал, и только начиная с 80-х годов прошлого века интерес к нему померк, заслоненный тенью гигантского числа психотерапевтических методик гуманистической направленности. Но

на смену классическому гипнозу пришли методы стрессовой, шоковой гипнотизации, получившие название «кодирования».

Имеют ли они право на существование, каковы показания, противопоказания, каковы побочные эффекты, какова результативность этих методов?

Скептическое и даже презрительное отношение к интервенционным методам некоторых уважаемых ученых, называющих краткосрочную шоковую психотерапию «парикмахерскими услугами» (43-а, с. 12), побудило меня защитить право на существование этих методов и открыть глаза молодым коллегам (профессионалы – не в счет), что «кодировать» – далеко не просто, что для этого необходимо быть профессионалом и творческой личностью. Конечно, имеются опасения, что в погоне за деньгами достаточно много «кодировщиков» опустятся до шарлатанства, вызывая своими непрофессиональными действиями неверие в эффективность лечения. Но это уже издержки современности. Прав был Б. Шоу: «Нет ничего опаснее нищего врача».

Еще в 1891 году психиатр А. А. Токарский защищал гипноз на IV съезде русских врачей: «Смешно было бы думать, что гипнотизм вырос где-то сбоку за дверьми храма науки, что это – подкидыш, воспитанный невеждами. Можно только сказать, что невежды его достаточно понянчили и захватили своими руками» (64, с. 151).

Начну я свой труд с пролога, живописующего странную и загадочную жизнь основоположника интервенционной психотерапии аббата де Фариа.

Не претендуя на талант писателя, хочу привести слова известного на Западе психотерапевта Джона Бьюдженталя: «...Что бы там ни говорили, а те из нас, кто пишет книги, может быть, являются лучшими художниками-писателями, чем художниками-психотерапевтами» (11, с. 252).

Пролог Тайна «бронзового аббата»

Многие идеи получают развитие, будучи внедрены в разум, отличный от того, в котором они зародились.

Оливер Венделл Холмс

Если вас, читатель, судьба занесет в бывшую португальскую колонию Гоа на западном побережье Аравийского моря в Индии, обязательно побывайте не только в «городе мертвых» Гоа-Велья, а загляните в столицу этого теперь индийского штата. Вы увидите в самом центре города внушительную и зловещую скульптурную композицию, изображающую волевого человека с длинными волосами и рукой, вытянутой книзу в попытке загипнотизировать полулежащую женщину. Таким изображен Аббе Фариа.

О нем и о его жизни сейчас мало кто знает, но жизнь Фариа была такая же странная и интересная, как и история того феноменального мира, который он открыл для других. С самого начала его жизнь – это мистическое сочетание вымысла и правды.

Аббат Фариа родился в португальской колонии Гоа 30 мая 1756 г. в семье священника, происходившего из рода богатого индийского брамина Анту Синай.

Мальчика нарекли Хосе Кустодио Фариа.

С 15-летним сыном Хосе Каэтано (отец мальчика) отправился в Лиссабон. На корабле «Святой Хосе» они прибыли в столицу Португалии в ноябре 1771 года.

Особенно не преуспев в задуманных делах, Каэтано через несколько месяцев отправился в Рим, где ему удалось получить звание доктора, а сына отдать в католический колледж пропаганды. В 1780 году Хосе, закончив курс теологии, возвращается в Лиссабон и по протекции отца, ставшего духовником королевы, назначается проповедником королевской церкви.

В 1787 г. в Гоа возник заговор, участниками которого считали отца и сына Фариа. Сбежав от ареста в Париж, молодой Хосе в 1789 г., во времена французской революции, командует батальоном санкюлотов. Но религиозное прошлое аббата не давало покоя революционным властям, и Хосе опять, опасаясь ареста, бежит в Марсель.

Позже он становится членом медицинского общества, профессором Марсельской академии. Преподавая в местном лицее теологию, аббат присоединяется к бунту учащихся, его переводят в Ним помощником преподавателя.

Однако и здесь революционные власти, уже периода императора Наполеона I, не оставили мятежного аббата в покое, обвинив его в связях с последователями Гракха Бабефа. В Марселе, куда привезли Фариа в карете с железными решетками, состоялся суд, решением которого Фариа, как опасный преступник, был заточен в тюремный замок Иф. После свержения Наполеона I в 1814 году Фариа был освобожден из-под стражи.

Вернувшись в Париж после освобождения, аббат открывает в доме № 49 по ул. Клиши зал магнетизма. Всего 5 франков требовалось заплатить за то, чтобы стать свидетелем чудесных опытов аббе Фариа.

Магнетическую практику аббат получил еще ранее у последователя и ученика великого А. Месмера маркиза де Пьюисегюра, она удачно наложилась на тайные знания своих предков-браминов, широко использовавших гипноз в отправлении индуистских религиозных обрядов.

Магнетический зал пользовался огромным успехом у публики.

Странная личность аббата – высокий рост и бронзовая кожа, репутация чудодея и врача-человека – немало способствовали его успеху.

Очень скоро практика магнетизма убедила Фариа в том, что ничего сверхъестественного в сомнамбулизме нет. Он разъяснял: «Не в магнетизме тайна магнетического состояния, а в

магнетизируемом – в его воображении: „Верь и надейся, если хочешь подвергнуться внушению“. В I томе своего труда, вышедшего в год смерти (?) автора в 1819 году, «О причине ясного сна или исследование природы человека, написанные аббатом Фариа, брамином, доктором теологии» (ясный сон в разных переводах с французского – светлый, прозрачный – *sommeil lucide*) он писал: «Всякий раз, когда чувства полного удовлетворения или глубокой печали, получаемые нашими внутренними органами, остаются в глубинах нашего сердца и не имеют выхода, они обретают во внутреннем покое, порожденном сосредоточенностью, свободу следовать своим первоначальным путем, приводя к неожиданным взрывам. Тот, кто испытывает все эти чувства, неизбежно подчиняется их силе, не будучи в состоянии управлять ими по своему желанию, подобно тому, как нет человека, который смог бы воспрепятствовать проникновению в душу восприятия, если соответствующее ощущение уже имеется в органах чувств; ведь эти впечатления возникли в сфере интуиции, что сделало их совершенно неподвластными воле, которая способна управлять лишь внешними чувствами» (83, с. 199).

Недруги, а это были ученые и церковники, с яростью и хулой обрушились на «бронзового аббата». Первые утверждали, что Фариа шарлатан и обманщик, вторые – что он маг и чернокнижник, а магнетизм – результат действия флюидов адского происхождения.

Вскоре аббат был всеми покинут и забыт. Чтобы не оказаться в нищете и не умереть с голоду, Фариа «покаялся», получил скромный приход и стал вести обычную жизнь смиренного пастыря.

Но за отрешенной от мира маской старого священника скрывалась огненная душа, пылкий ум, ищущая ответа совесть. В тайне от окружающих он задумал свой великий труд, но успел написать только I том. В годы выхода книги шестидесятитрехлетний священник исчез. И несмотря на то, что парижская газета «Монитор» в номерах от 1 до 5 октября 1819 сообщила о кончине Фариа, до сих пор исход его жизни неизвестен.

Аббе Фариа не был ученым-медиком. Но несмотря на это, его великой заслугой стало то, что он постиг, говоря его словами, истинный «характер человека в прозрачном сне».

Впоследствии методику погружения в состояние гипноза методом фасцинации (завораживанием), как это делал Фариа, использовали в лечебных целях Брэд, Бертран, Льебо, Шарко.

Поистине аббе Фариа был гением-самородком, но по достоинству смог это оценить лишь Александр Дюма, обессмертив его имя в романе «Граф Монте-Кристо».

В Португалии Фариа – один из популярных героев. Еще в 1925 г. в Лиссабоне вышла книга известного психиатра Эгаса Мониша – в будущем лауреата Нобелевской премии – «Аббат Фариа и история гипнотизма». В 1935 г. «Большая португальская энциклопедия» (том 10) в сокращенном виде изложила статью профессора Мониша, упомянув, что многочисленные страницы в биографии Фариа дали пищу для легенд.

В Марселе, стремясь почтить память А. Дюма, отцы города дали одной из улиц в квартале, раскинувшемся по склону холма, который высится над главной улицей Кашбьер, имя графа Монте-Кристо, другой – Эдмон-Дантеса, третьей – аббата Фариа (3, 7, 13, с. 22).

Тайна «бронзового аббата» – не в обстоятельствах его биографии. Тайна в его таланте, в его поисках. Реальный аббат Фариа умер. Вымышленный живет в методе психотерапии, названном его именем и положившем начало целому направлению в психотерапии – интервенционной психотерапии.

Глава I

Истоки сознания

Наши знания никогда не могут иметь конца именно потому, что предмет познания бесконечен.

Б. Паскаль

Мы не знаем материи, лишенной сил, и, наоборот, не знаем сил, которые не были бы связаны с материей.

Гегель

1. От фазовых состояний к «сумасшествию» на двоих

Когда я начал применять методику стрессопсихотерапии, меня все чаще и чаще стали одолевать мысли: «А что же все-таки я делаю? Что происходит с пациентом после „кодирования“? Почему даже самый отъявленный потатор после одного сеанса вдруг прекращает пьянство и многие годы идет по светлому трезвенническому пути?»

Воспитанный на догмах диалектического материализма и теории И. П. Павлова, я верил и пропагандировал идею главенства коры головного мозга над всеми сущностями человеческой физиологии. Но ведь иначе мыслить тогда было невозможно.

Наука была подмята идеологией.

На печально известной сессии двух академий – АН и АМН СССР, посвященной физиологическому учению И. П. Павлова, созданной по воле И. В. Сталина и строго им контролирувавшейся, была подтверждена важность гипноза, как глубокой психотерапии, основанной на физиологических идеях И. П. Павлова. Начиная с горбачевской перестройки стали появляться в открытой печати сообщения, свидетельствующие о том, что предложенная в свое время павловская теория гипноза, как лечебное торможение коры головного мозга, является не более чем чистой фантазмагорией. А до этого никто бы не посмел сказать о том, что кроме корковых есть еще и другие процессы, регулирующие жизнедеятельность человека. Как откровение я воспринял теорию Ганса Селье о значении ретикулярной формации. Но ведь только в 1965 году эта теория была впервые открыто опубликована в руководстве «Судебная психиатрия» под редакцией профессора Г. В. Морозова. Terra incognita были исследования Мегуна и Моруцци об активирующем действии ретикулярной формации на кору головного мозга.

По теории И. П. Павлова, гипноз – это частичный сон. Он представляет собой промежуточное, переходное состояние между бодрствованием и сном, при котором на фоне заторможенных с разной степенью интенсивности участков головного мозга присутствует бодрствующий «сторожевой» пункт в коре больших полушарий, обеспечивающий «раппорт» между гипнотизером и гипнотизируемым. В гипнотическом состоянии имеются три фазы – уравнительная, парадоксальная и ультрапарадоксальная, которыми будто бы объясняются гипнотические феномены – ожог, вызываемый холодным предметом, внушенные галлюцинации, постгипнотические внушения и т. д.

Можно сколь угодно бродить в дремучем терминологическом лесу, пока не появится тропинка, ведущая к истине. Но какая истина могла открыться И. П. Павлову, когда он механически переносил на психическую деятельность человека результаты некорректно поставленных опытов на собаках, находящихся в условиях неволи?

А куда же тогда подевалась знаменитая II сигнальная система, которой, как известно, у собак нет? А как павловская теория сочетается с признанием современной наукой бессознательного в аффективной жизни субъекта? (38, с. 31).

И в чем же тогда материализм павловского учения, если основоположник диалектического материализма В. И. Ленин писал, что материя «...философская категория для обозначения объективной реальности, которая... отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (СЭС, 1989, с. 783).

Каким образом исследователь и исследуемый объект могут ощутить те самые пресловутые фазовые состояния?

Но теория И. П. Павлова была значима не столько ее псевдоматериалистической направленностью, она была нужна господствовавшей в то время коммунистической идеологии.

Другой «идеалистической» теорией, пытающейся объяснить механизмы гипноза, является теория отца психоанализа З. Фрейда. В 1921 г. в книге «Психология масс и анализ личности» он проводит мысль, что гипноз – это перенесение в сфере бессознательного на личность

гипнотизера врожденных воспоминаний о племенном вожде, вытесненных отношений детей к родителям. Этот феномен перенесения и создает, по мнению Фрейда, неодолимую власть гипнотизера по отношению к гипнотизируемому.

Последователь Фрейда Ференци (1975) видит в гипнозе возрождение комплекса Эдипа с его любовью и страхом. Отсюда два типа гипноза: «материнский», основанный на любви, и «отцовский», базирующийся на страхе.

Шильдер (1938) считает, что пациент, приписывая врачу всемогущество, тем самым реализует собственные сексуально-инфантильные фантазии.

Штеварт (1969) допускает, что в состоянии гипноза пациент находится в амбивалентном положении по отношению к гипнотизеру, которого он любит и ненавидит одновременно. Гипнотическое состояние базируется на фикции: гипнотизер, если он хочет добиться гипнотического транса, должен делать вид, что он всемогущ. Но «бессознательное» пациента «знает», что гипнотизер делает вид, и компенсирует эту ситуацию ощущением, что он сам принуждает гипнотизера к этой фикции и сам контролирует гипнотическую ситуацию.

Орне (1959) пишет: «...гипноз во многих отношениях можно рассматривать как „folie a’deux“ (сумасшествие на двоих): каждый, вовлеченный в гипнотические отношения, играет ту роль, которую другой от него ожидает. Пациент ведет себя так, как будто он не может сопротивляться внушениям гипнотизера, а тот играет роль всемогущей личности» (38, с. 37).

Проводя рациональную психотерапию, еще можно было объяснить пациентам существо гипноза «бодрствующим очагом в заторможенной коре», но никак не с психоаналитических позиций.

Во-первых, из нагромождения психоаналитических терминов суть явления от пациентов ускользала, а во-вторых, не принято, да и опасно было идти против теории И. П. Павлова, вооружившись учением З. Фрейда.

Новое «перестроечное» мышление дало свободу выражать свое, какое угодно мнение, можно было критиковать «все и вся».

Так было не только в психотерапии, но и в обществе в целом. Свобода оказалась кажущейся, не имела опоры: старые идеологические догмы рухнули, а новой идеологии так до сих пор не выработано.

Множество людей, растерявшихся от накрывшего их «капиталистического социализма», кинулись искать правду, утешение не в храм, а у несметного числа целителей, экстрасенсов, телепсихотерапевтов, будто бы несших в себе свет истины.

Природа феноменов, которые возникали у части пациентов после телесеансов психотерапии Кашпировского и Чумака, невозможно было объяснить павловскими, а тем более фрейдистскими теориями.

И вот в конце 80-х годов XX века начали исподволь, осторожно и только в научно-популярной литературе, появляться свидетельства, регистрируемые научным путем, о наличии материального базиса сознательных и бессознательных процессов человеческой психики.

То, о чем я сейчас собираюсь написать, возможно, достойно восклицания чеховского отставного урядника Войска Донского Василия Семи-Булатова: «...Вы сочинили и напечатали... что будто бы на самом величайшем светиле, на Солнце, есть черные пятнышки. Этого не может быть потому, что этого не может быть никогда» (Чехов А. П., *Письма к ученому соседу*. Соч., М. 1954 г., Т. 1, с. 71).

И я, также как и директор НИИ мозга АМН СССР академик Н. П. Бехтерева (на нее я буду ссылаться еще много раз), попытаюсь осторожно вторгнуться в пределы современной науки – науки об истоках сознания. Вот что писала по этому поводу Н. П. Бехтерева: «Я знаю, как опасно двинуться в это Зазеркалье. Я знаю, как спокойно оставаться на широкой дороге науки, как повышается в этом случае индекс цитирования и как снижается опасность неприятностей в виде разгромной уничтожающей критики иногда с непредвиденными угрозами... Ученый не имеет права отвергать факты (если он ученый!) только потому, что они не вписываются в догму, „мировоззрение“» (87, с. 19).

Чтобы избавить себя от критики марксистско-ленинских ортодоксов, стоящих на страже постулата о первичности материи и вторичности сознания, сошлюсь еще раз на высказывание основоположника: «...и мысли, их источник и их природа точно такая же реальная материя и столь же заслуживающий изучения материал, как и все иное» (Ленин В. И. *Философские тетради*. М., Политиздат, 1990, с. 640).

Итак, какие же они, истоки сознания?

2. Эйдосы, магнетический флюид, лептонный газ – миф или материя?

Человек – самое непостижимое для себя творение природы, ибо ему трудно уразуметь, что такое материальное тело, еще труднее – что такое дух, и уж совсем непонятно, как материальное тело может соединиться с духом.

Б. Паскаль

Утверждение о том, что мысль, сознание имеют в своей основе материальный базис, приходила в голову не только В. И. Ленину. Еще Платон полагал, что мир идей (эйдосов) столь же реален, как и мир объектов, – и даже более реален, чем мир объектов. «Объекты, – говорил Платон, – представляют собой лишь тени идей. Мы в своем человеческом состоянии подобны узникам, закованным в пещере спиной к выходу и свету. Наблюдая тени на стене пещеры, отбрасываемые существами и объектами, проходящими мимо входа, мы думаем, что это и есть реальность, не задаваясь вопросом о том, откуда же берутся тени, не догадываясь, что их источник находится у нас за спиной» (88, с. 39).

Это умозрительное заключение Платона нашло свое физическое объяснение только в 70-80-х гг. XX в. До этого же почти 2 тысячи лет представление о материальности сознания наукой не признавалось и сбрасывалось в пропасть оккультизма.

Так же случилось и с А. Месмером, разработавшим теорию всепроникающего «магнетического флюида», при помощи которого можно лечить различные душевные и телесные недуги. Но комиссия, созданная по приказу Людовика XVI, который и сам был пациентом Месмера, куда входили корифеи науки того времени – Лавуазье, Франклин, Гийотен, Бальи, пришла к заключению, что «магнетический флюид» – миф. Из секретного доклада второй комиссии следовало, что флюид не только миф, но опыты Месмера ведут к падению нравов. После таких уничтожающих заключений никто в последующем не смел даже заикнуться о материальном базисе психических явлений.

Все это можно было бы сравнить с изучением атома, считавшегося до начала XX в. неделимым (по-гречески атом – неделимый). Если бы не открытия Э. Резерфорда и Н. Бора, положившие начало квантовой физике, мы до сих пор бы считали, что атом – это конец мироздания. Теперь же любой старшеклассник скажет, что материя бесконечна.

Как не восхититься провидческим даром С. Цвейга, защищавшего Месмера в книге «Врачевание и психика»: «...почему не может человеческое тело, близость которого возвращает угасшему жемчугу блеск и сияние жизненной силы, не создавать действительно вокруг себя ореол теплоты или излучений, действующих на нервы возбуждающе или успокаивающе? Почему в самом деле не могут возникать между телами и душами тайные течения и противотечения, не может существовать между индивидом и индивидом притяжение и отталкивание, симпатия и антипатия? Кто в этой области дерзнет произнести смелое „да“ или дерзкое „нет“? Может быть, уже завтра физика, работающая с все более и более тонкими измерительными приборами, докажет, что мы сегодня воспринимаем просто как напор душевной силы, есть все же нечто вещественное, доступная восприятию тепловая волна, проявление электрических или химических сил, энергия, которую можно измерить и взвесить, и что нам приходится вполне серьезно считаться с тем, над чем отцы наши смеялись, как над глупостью. Поэтому возможно, вполне возможно, что мысли Месмера о творчески излучающейся жизненной силе, суждено еще вернуться в мир, ибо что такое наука, как не постоянное претворение в действительность древних грез человечества». А посвятил свою книгу С. Цвейг не кому-либо, а А. Эйнштейну,

человеку, перевернувшему веками установленные традиции, и написал на первой странице: «Альберту Эйнштейну – почтительно» (61, с. 41–42).

Исследования психической деятельности человека физическими методами и, в частности, квантовой механикой еще не нашли признания в широких научных кругах. Да, исследовательский инструментарий пока несовершенен. Ряд исследователей категорически отвергает материальную природу, т. н. «пси»-явлений.

Но нужно быть полными агностиками, чтобы заявлять, что каких-то явлений не существует лишь потому, что мы не можем их дифференцировать. Хочется ответить таким исследователям словами У. Шекспира: «Есть много, друг, Горацио, на свете, что и не снилось нашим мудрецам».

И все-таки попробуем суммировать основные положения современной науки, свидетельствующие о материальном базисе сознания.

Материализм всегда стоял насмерть: нет никаких духовных измерений, все это «примитивные суеверия». Его ревнители не могли отрицать существование мыслей и чувств, но были твердо убеждены: сознание – «это продукт высокоорганизованной материи – мозга». На естественный вопрос, что это за продукт и где он находится, авторы учебников туманно бормотали о некоей «субъективной реальности», о чем-то «идеальном в противоположность материальному» (т. е. объективно несуществующем). Получалось, что оно – сознание – как бы и существует, и не существует одновременно.

Парадокс, но обладатели мистических знаний выглядят куда большими материалистами, чем традиционные ученые.

Мистики во все века утверждали, что кроме физического тела у человека есть еще и другие – невидимые, но вполне материальные тела. И сотканы они из материи куда более тонкой, чем материя плотного вещества. Их «ткань» отличается более высокой частотой вибраций и потому не воспринимается зрением – она как бы прозрачна для глаза. Эти тонкие тела, говорят эзотерики, и есть «душа» –местилище наших чувств, желаний и мыслей. А сами чувства и мысли – тонкоэнергетические образования, которые «излучаются» невидимыми «телами» человека.

Анализируя феномен сознания, наука пришла к понятию о невещественном (тонкоматериальном) информационно-энергетическом мире. Сознание, по мнению некоторых исследователей, это вид энергии, который неразрывно связан со структурой физического тела. Каждый организм, каждый объект Природы имеет физическую и энергополевою структуры.

Еще в 70-е годы прошлого века во время опытов в области квантовой физики исследователи с изумлением обнаружили: мысль экспериментатора непосредственно влияет на поведение элементарных частиц! Вскоре стало ясно, что сознание – не призрак, не абстракция, а какая-то физическая реальность. Уже убедительно доказано, что под воздействием мысли, эмоций и воли человека изменяются ДНК, структура и химический состав жидкостей, программируется поведение животных, меняются показания физических приборов.

«Я не могу себе представить Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысленного начала, без источника духовной „теплоты“, лежащего вне материи и ее законов», – писал академик А. Д. Сахаров.

Каковы же материальные носители сознания? По одним гипотезам, это сверхлегкие элементарные частицы (аксионы, микролептоны, нейтрино и пр.). Другие говорят о неких полях – торсионных, солетонных, морфогенетических и прочих, которые формируются вокруг человека и несут информацию о его эмоциях и мыслях. С помощью специальной аппаратуры эти излучения, поля, частицы научились регистрировать и даже фотографировать.

Академик РАМН Влaиль Казначеев, один из авторов лептонно-электромагнитной теории о материальных носителях физических полей считает, что этими носителями являются

лептоны (легкие элементарные частицы, начиная с электронов) и представители их подкласса – микролептоны (начиная с нейтрино).

Другой разработчик теории лептонного поля, доктор физико-математических наук проф. Б. И. Искаков, считает, что «мысли и эмоции человека материальны и в прямом смысле слова могут быть легкими или тяжелыми, их масса варьирует в пределах 10^{-39} - 10^{-30} граммов. Вокруг всех тел существуют „стоячие“ лептонные волны – квантовые голограммы. Каждая голограмма содержит всю информацию о теле, являясь его информационным двойником».

Профессор А. Ф. Охатрин говорит о неких сущностях, построенных на нейтринной основе. Он создал аппаратуру для наблюдения за микролептонными полями. При мысленном воспроизведении образа человека возникает микролептонный кластер (сгусток, скопление), и прибор реагирует на него. Подобный кластер способен самостоятельно передвигаться, что также фиксируется прибором. Опыты по созданию мысленных образов проводил в своей лаборатории и проф. А. В. Чернетский (80, 81

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.